

О драмах Чехова

I

Литературные критики разных лагерей признали г. Чехова типичным представителем эпохи "восьмидесятых годов".

"Подобно большинству беллетристов, появившихся в течение восьмидесятых годов (Новодворскому [1], Гаршину [2], Мамину [3], Альбову [4], Баранцевичу [5]), Чехов отражает в своих произведениях то пессимистическое настроение, которое присуще этому мрачному десятилетию". (А. Скабичевский [6]: "История новейшей русской литературы" [7]).

"Он (Чехов) очень яркий продукт своего времени и своей эпохи (эпохи восьмидесятых годов), для выражения которой он нашел свое сильное слово... В передаче неопределенного и колеблющегося настроения своей эпохи, ее тоски искания, ее отвращения к готовым фразам и формулам и заключается заслуга г. Чехова. Это-то и делает его художником-историком..." (Андреевич [8]: "Книга о Максиме Горьком и А.П. Чехове" [9]).

И, действительно, по общему характеру своего мирозерцания, по общему направлению своей литературной деятельности, по тем художественным приемам, которыми он пользуется при передаче "жизненных фактов" - Чехов является кровным сыном восьмидесятых годов.

Эти года для передовой русской интеллигенции были эпохой резкого "перелома". "Перелом" был вызван, с одной стороны, тем, что народился новый тип интеллигенции, а с другой стороны, тем, что новонародившаяся интеллигенция столкнулась лицом к лицу с новой общественной группой, вращавшей колесо истории.

"Новонародившаяся" интеллигенция - была интеллигенция, воспитанная в лоне исключительно "городской" культуры, была интеллигенция, не связанная никакими органическими узами с "народом", незнакомая, благодаря условиям своего воспитания, с крестьянской жизнью и, в то же время, не подозревавшая об исторической миссии других "народных" слоев.

Новое "общество", с которым пришлось столкнуться передовой интеллигенции, было общество, вызванное к жизни экономическими и социальными реформами 60-70 годов [10]: общество, поклонявшееся "мещанским" идеалам [11], служившее "золотому тельцу" [12] и "наживе" [13], общество "буржуев" [14] всевозможных оттенков и разновидностей.

Сферой этого общества ограничился социальный горизонт прогрессистов-восьмидесятников. Весь "мир" на долгое время замкнулся для них пределами "мещанского" общежития. Все "человечество" было представлено, в их глазах, обитателями буржуазных салонов и контор, бюрократических канцелярий.

Обитателей салонов, контор, канцелярий они нашли до монотонности похожими один на другого. Жизнь человечества начала казаться им обреченной на вечную неподвижность. Они отказались от веры в прогрессивное развитие человечества, верой, завещанной им людьми шестидесятых и семидесятых годов. Они признали, что не существует никаких социальных факторов истории. Учению о закономерности исторической эволюции они противопоставили доктрину агностицизма [15]; согласно этой доктрине, жизнь как общества, так и отдельного человека управляется неведомыми силами, действующим не по законам неумолимой логики, действующими иррационально. Случай, слепой случай - вот что является могучим двигателем действительности [16].

Против тирании буржуазного общества, тирании неведомых сил, тирании слепого случая человек, по учению восьмидесятников, может бороться лишь чисто психическим путем воспитания в себе сильной и цельной личности. Только внутренняя "мощь" спасает человека от всепокоряющего гипноза буржуазного "стада". Поэтому стоит дисциплинировать, как следует, собственную волю и собственные чувства, стоит "перемениться" в душе, пойти на душевный подвиг и победа в борьбе за существование будет обеспечена.

Таково, в самых общих чертах, мирозерцание людей восьмидесятых годов, мирозерцание в своем корне глубоко пессимистическое. Это мирозерцание теперь потеряло под собой жизненную почву, так как общественный кругозор современной интеллигенции значительно расширился: интеллигенция имеет перед собой уже не одни только "серенькие" фигуры буржуев; в самой буржуазии интеллигенция уже не видит более массу, обреченную на вековую неподвижность; интеллигенция снова верит в непреложность закономерного общественного развития.

Но отголоски отвергнутого мировоззрения продолжают по временам еще громко звучать. Часть интеллигентного общества, мало проникшаяся новыми идеями, продолжает увлекаться разными